

ИСКУССТВО УРАЛЬЦЕВ

НА СПЕКТАКЛЯХ СВЕРДЛОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Не часто увидишь на одной и той же сцене, притом во время гастролей, такие внушительные зрелища, как «Антоний и Клеопатра» Шекспира, шолоховская «Поднятая целина», сценическая переложения произведений Мамина-Сибиряка. Для Свердловского драматического театра характерно стремление к постановкам произведений большого эпического плана, к созданию масштабных, монументальных спектаклей. Правда, гости наши привезли и менее весомые вещи, вроде комедий «плаща и шпаги», изящного «Пигмалиона». Не очень притязателен спектакль «Украли консула». В инсценировке «Рассудите нас, люди» конфликты вряд ли типичны для нашей действительности. А драме «В день свадьбы» явно не хватает социальной заостренности: нравственные и психологические проблемы истолкованы скорее с биологической точки зрения.

Можно согласиться с тем, что трудно строить репертуар из одних лишь широких драматических полотен. Приходится обращаться и к произведениям более скромного размера и тем более — разного жанра. Но уже то, что театр считает необходимым вести со своим зрителем серьезный, содержательный разговор, говорит в его пользу. Очевидно, свердловчане хорошо понимают задачи, поставленные перед театром как рассадником передовых идей и высоких чувств.

Имеют ли свердловчане творческие возможности для того, чтобы достойно воплотить на сцене незаурядный драматургический материал своего репертуара? Безусловно. В театре работают первоклассные актерские силы, опытная, квалифицированная режиссура, отличные художники. И, — что мы менее всего обычно замечаем, — искусный постановочный персонал, в частности великолепный гример.

Следует отметить одну существенную деталь. Здесь нет, как это бывает в иных театрах, недопустимого разделения на главные и эпизодические роли (причем первые «обстаиваются» ведущими актерами, обстоятельно вскрываются и тщательно играют, а вторые изображаются, как бог на душу положит). Уральцы (и в этом прямая заслуга многолетнего художественного руководителя труппы С. Битюцкого) всё, вплоть до самых маленьких ролей, играют в полную художественную силу. Эта эстетическая требовательность и дисциплина во всем способствуют ансамблевому единству и самым благоприятным образом сказываются на общем облике спектакля.

В шекспировской трагедии с воодушевлением сыграны не только центральные партии Антония и Клеопатры (артисты Б. Молчанов и В. Шатрова), а и роль гонца в исполнении Г. Шевченко. То же самое мы видим в «Поднятой целине», где режиссер заботился о живом, колоритном изображении даже такого эпизодического персонажа, как бригадная стряпуха; в «Приваловских миллионах», где усилия

режиссуры направлены на индивидуализацию даже безымянных персонажей. «Добротность», которая характеризует творчество уральских гостей, проявляется во многих компонентах спектаклей: от общей их композиции до внешнего облика действующих лиц, от показа внутреннего состояния героев и до сценического реквизита, от планировки массовых сцен и до решения самого маленького эпизода.

Значит ли это, однако, что в показанных нам спектаклях все решено с необходимой глубиной и художественностью?

Вот одна из лучших работ театра, живущая на сцене уже несколько лет, в свое время удостоенная диплома первой степени на всесоюзном фестивале театров, — «Антоний и Клеопатра». Значительная, интересная постановка? Несомненно! Особенно хороши в ней исполнители труднейших заглавных ролей. Им приходится почти все время быть на сцене и при этом раскрывать сложный мир буйных шекспировских страстей. Нелегкое дело! Сценический Антоний может быть несколько тяжеловат, но он — истинное вместилище неумных человеческих чувств, отважный воин, пылкий возлюбленный, темпераментный и самонадеянный полководец. Может быть, излишне подчеркиваются в образе Клеопатры слова Антония о том, что она «царица блажи», но и Клеопатра достаточно выразительна и доходчива, особенно в финальных картинах. Многие сцены играющая эту роль В. Шатрова проводит с большим подъемом. Очень хороша у нее Клеопатра, когда узнает от гонца о женитбе Антония. Все смятение души — тревогу, боль, обиду, негодование героини доносит исполнительница чисто интонационными средствами. Достоинство сыграны и многие другие роли этой грандиозной пьесы.

Картины Рима и Египта выглядят в общем приемлемо, в меру достоверны и в меру условны. Тут немалая заслуга художника М. Улановского, со вкусом, локально и пластично сформившего римские эпизоды, но, правда, несколько увлекшегося ориентальными мотивами в египетских картинах. Если исключить сцену боя (она кажется не очень необходимой, к то-

му же традиционно решенной), — массовые и групповые сцены спектакля распланированы и организованы весьма умело.

Но имеет ли спектакль этот свою ясно выраженную философскую концепцию? Остро ли чувствуется в нем то, что Станиславский называл «сверхзадачей»? Что это — еще одно драматургическое истолкование на сцене извечной проблемы чувства и долга, сценический рассказ о том, как прихоть победила разум? Не мало ли этого для шекспировского спектакля? Не следовало ли в образе Октавия Цезаря (артист Г. Гецов) острее раскрыть одну из важнейших гражданских проблем, занимавших гуманистический ум Шекспира, — проблему преступной власти? Уж очень приглаженным выглядит Цезарь на сцене, и этим приглушается противопоставление его Антонию, столь явственно ощущаемое в пьесе.

Да и стилистически спектакль не однороден. Местами он несколько мелодраматичен. К чему, скажем, подчеркнутая напевность у Помпея (М. Иванов)? Или балетные позы прислужниц Клеопатры? Порою даже кажется, что играет не Шекспир, а Гюго — настолько выпрессано звучат речи героев, хотя избранный театром перевод Б. Пастернака лучше других доносит шекспировский текст.

Нечетко выраженная философская концепция дает себя знать и в «Приваловских миллионах». И здесь перед нами тоже значительная режиссерская работа. Нелегко было свести в единое сценическое целое пестрый калейдоскоп самых различных, разномастных событий. К сожалению, основная тема знаменитого произведения Д. Мамина-Сибиряка, так глубоко охарактеризованная М. Горьким в словах «рубль крадет», на сцене не очень-то ясно звучит. Привалов с горечью признается, что его «давят миллионы». А в спектакле мы увидели Привалова, обессилевшего скорее от хлопотливых и недарачных любовных историй. Ярмарочный шабаш порой заслоняет социальные мотивы.

Видимо, театр и инсценировщик А. Мороз сами почувствовали этот недостаток и ввели трагическую сцену на заводе. Но она выглядит

чисто иллюстративно и органически не «вписана» в спектакль.

И в этом спектакле зритель увидит отличных исполнителей (М. Токареву, Б. Ильина, М. Иванова, М. Буйного, К. Максимова, Б. Рылеву, В. Шатрову, А. Бровченко, А. Матэр-Лашину и др.). Но... спектаклю явно недостает необходимой заостренности.

Чего недостает и такому, «крепко скомпанованному» сценическому зрелищу, как «Поднятая целина»? Можно было, конечно, указать на то, что ограниченность инсценировки не дала возможность исполнителю роли Давыдова М. Сухорукову более сочно и характеристически строить образ посланца рабочего класса. Поэтому «самоигральный» дед Щукарь в изображении К. Максимова как бы оказывается в спектакле на переднем плане, тем более, что на него возложена важная миссия — заключить драматические события. Такое замечание было бы справедливым и уместным.

Но хочется обратить внимание не на то, что лежит на поверхности, а на более глубинные просчеты. Спектаклю не хватает того душевного накала, которым пронизана каждая густо написанная шолоховская строка. Уж очень как-то обыденными выглядят воспроизводимые события и лица. Где же клокотание политических страстей, борьба темпераментов, что, собственно говоря, и составляет пафос романа?

И здесь бросается в глаза излишества. Что дает, скажем, сцена танцев в бригадном лагере? Помогает созданию жизнеподобной атмосферы? Вряд ли. И здесь заметна прямолинейность в решениях. Назвал, например, М. Шолохов Варю «быстроногой», и вот исполнительница роли то и делает, что мечется по сцене.

Излишества, отступления от хорошего вкуса встречаются не только в постановках больших трагедий и драм, но и в комедии «Украли консула». Молодой режиссер В. Чарковский в сообществе с актерами В. Сивачем, А. Бровченко, А. Луканиным, М. Токаревой, М. Буйным и, прежде всего, исполнителем роли консула Г. Шевченко — многое сделали, чтобы не очень-то тщательно выписанная пьеса Г. Мдивани была сыграна легко, непринужденно, весело, при соблюдении колорита в бытовой обстановке и в поведении действующих лиц. Но тот же Г. Шевченко порой переусердствует в своих приемах, и тогда на сцене играет откровенный фарс.

Об этих отдельных просчетах в постановках свердловчан пишется потому, что перед нами серьезный, вполне зрелый театральный коллектив, доказавший свою способность решать самые ответственные творческие задачи. И, конечно же, обладающий силами и умением, чтобы создавать спектакли с глубоким проникновением в суть изображаемых жизненных явлений, спектаклей, вполне современных по своему духу, складу и звучанию.

Иосиф КИСЕЛЕВ.

Правда, Украинцы
Г. Мисев

25 АВГ 1964